

Декоративно-прикладной революционер

В Вене чествуют Питера Нойвера

В Вене в Музее декоративно-прикладного искусства (МАК) прошел торжественный прием по поводу 20-летия правления его директора Питера Нойвера. На чествовании главного австрийского куратора побывал обозреватель „Ъ“ ГРИГОРИЙ РЕВЗИН.

На приеме показывали фотографии декабря 1985 года, когда Питер Нойвер, бывший профессор Венской академии художеств, проводил свою первую пресс-конференцию. Проводил в хранилище музея. Это был подвал вполне московского вида. Стены сочили влажной, металлические стеллажи с экспонатами имели характерный полуразваленный вид, а на потолке висела электрическая лампочка без абажура. В Вене много великих музеев, Музей декоративно-прикладного искусства никогда к ним не относился. Сегодня же это одна из главных выставочных площадок Европы. Все звезды мировой архитектуры устраивают здесь свои главные выставки. Этому музей обязан Питеру Нойверу.

На пресс-конференции, посвященной 20-летию его директорства, он скромно рассказывал, как этого добился. Главное, как он объяснял, это любовь к искусству. Искусство — это все. Оно не должно зависеть от денег, оно не должно зависеть от политики, оно не должно зависеть от общества. Наоборот, они должны зависеть от искусства. Он говорил страстно и убедительно. Вероятно, чиновники австрийского минкульта, сталкиваясь с ним, плачут и увеличивают его бюджет (около €10 млн в год). Так и добился. У нас так, вероятно, ничего не добьешься, для человека из России интереснее было другое. Эту речь, вероятно, мог произнести Александр Бенуа в 1905 году, а с тех пор гимн «искусства для искусства» в такой чистоте уже не звучал. Самое поразительное было в том, какое искусство имеется в виду.

Нойвер, скажем, организовывал в 2001 году выставку современного русского искусства «Давай!». Это очень известная выставка, о ней много писали.

Художники «Синие носы» изображали господ Путина, Буша и бен Ладена, валяющихся в виде трех голых неопрятных мужиков в грязной общежитской койке. Художница Елена Ковылина устроила перформанс — она художественно напилась в зюю и лезла к немцам танцевать с ними вальс. Олег Кулик выступал концептуальным таксидермистом, он работал с чучелами обезьян.

Нет, не то чтобы Питер Нойвер дружил исключительно с русскими художниками, он и в других местах таких находит, хотя в России их больше. Но есть и американцы, и австрийцы, и из других стран. В 1995 году он получил в распоряжение бункер, построенный в 1944 году для защиты Вены от советской авиации — здание высотой с десятиэтажный дом, с пятиметровыми стенами, которые невозможно разломать. Он предложил обжить его современным художникам. Там очень страшно. Там стоит стена из бустов передовиков производства Джозефа Траттнера, изуродованные современными художниками машины (особенно запоминается опывающая полиуретановыми жировыми складками «Машина для толстых» Эрвина Вюрма), там несколько инсталляций Ильи Кабакова. Представьте — бетонный зал, окон нет, двери сейфовые, металлические, над входом горит надпись «В будущее возьмут не всех. Илья Кабаков». За дверью инсталляция: перед тобой разобранные рельсы, вдаль уходит поезд, на последнем вагоне та же надпись. Ты в будущее не попал, поезд ушел. Подходит для концлагеря, и атмосфера военного бункера довершает сходство — думаю, Илья Кабаков сознательно это обыгрывал. Такое вот искусство для искусства.

Питер Нойвер — человек состоятельный, он построил себе виллу по собственному проекту. Купил заброшенный карьер по добыче щебня, прорыл сквозь него узкую щель шириной в два метра, высотой — семь, а длиной под сто, сделал в ней бетонные стены. Это вход в виллу, он ведет в круглую во-

ронку, оставшуюся как бы после взрыва. Это — патио. К нему примыкает собственно дом — кусок металлической трубы трехметрового диаметра. Щебневой карьер, кто не знает — это территория, на которой никогда ничего не растет и не вырастет. Это его парк, ну вроде Версаля. В парке он расположил группу из бетонных кубов метр на метр, напоминающую монумент жертвам холокоста в Берлине. Мотивация такая: «Отсюда всегда что-то брали — камень, землю, щебень. Мне захотелось что-нибудь принести». Если представить себе, как будут выглядеть резиденции новых герцогов, графов и баронов, которые заселят территорию Европы после ядерного взрыва, то, вероятно, получится как раз такая вилла.

Так вот, этот человек является директором Музея декоративно-прикладного искусства. По сути — музея венского буржуазного быта. Я бы сказал — аффилированного буржуазного быта. Вена — это место, где рядовой стул свивается в форму скрипичного ключа, претендуя на родство с Шубертом. Пуфики, диваны, шкафы. Платя, женские украшения. Посуда, ножи, вилки. Фарфор — пастушки, коровки. Он все это ненавидит. Общаться он может только с потомками Габсбургов или с пролетариатом — тех и других в Вене примерно одинаковое количество. Он ненавидит буржуазию вообще и в частности ее быт, его прямо в дрожь бросает при виде фарфоровой коровки. Надо зайти в его кабинет — там среди рокайльных столов и стульев, с завитками, с позолотой, стоит одно кресло из гофрокартона, издевательское произведение современного художника, и на нем он и сидит.

Это что-то удивительное. Почему этот человек является директором этого музея? Как это могло случиться? За что ему такая мука? Как может музей существовать при директоре, который ненавидит его коллекцию? Прекрасно существует. За время директорства Питера Нойвера посещаемость музея выросла в десять раз. Соответ-

ственно, и бюджет. Музей полностью реставрирован, находится в идеальном состоянии. Каждый год — выставки всемирного значения, о которых пишут сотни критиков от Нью-Йорка до Москвы. Плюс филиалы — в самой Вене замок Гаймюллера (уникальная коллекция часов), в Лос-Анджелесе (дом архитектора Шиндлера), дом Йозефа Хоффмана в Чехии. Самый динамичный музей Европы. Я восхищаюсь этим человеком. Я не понимаю, как так может быть. Но вот — пожалуйста.

Я вот думаю, не зря он так любит Россию. У нас динамика возникает тогда, когда к власти приходит человек, который терпеть не может наличного положения дел. Поглядит вокруг — и душа его наполняется отвращением, и через это начинаются всякие изменения. Это все равно чего касается — что кафедры в университете, что государства в целом. Чем сильнее отвращение, тем радикальнее действие.

Тут у Европы проблема — к ней сложно испытывать отвращение. Прекрасная жизнь, не к чему придраться. Нет, так сказать, площадки, с которой эту жизнь можно было бы объявить несправедливой и призвать к изменениям. Когда-то таковой было христианство, потом — призрак коммунизма, а теперь совсем ничего. Кроме авангарда. Вообще-то это дико, когда авангард — не академическая традиция, не христианство, не социальная философия, а именно сегодняшний авангард со своими вялыми жестами на тему, кем лучше стать, трансвеститом или собакой, оказывается единственной площадкой для формулирования альтернативы, но именно такова сегодняшняя европейская ситуация. Вот у нас принято оплакивать Россию, которую мы потеряли. Мне кажется, вполне можно изменить направление оплакивания. Самыми эффективными культурными деятелями сегодняшней Европы оказываются те, кто не переносит традиционную европейскую культуру. Так ведь не может долго продолжаться.

Коммерсантъ - 2006 - 94 марта - с. 9